

Реморов Иван Александрович

**Формирование языка
Синодального перевода Нового Завета
(на материале редакторской правки
митрополита Филарета (Дроздова))**

Специальность 10.02.01 – Русский язык

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Томск – 2003

Диссертация выполнена на кафедре древних языков
Новосибирского государственного университета.

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор
Панин Леонид Григорьевич

Официальные оппоненты – доктор филологических наук, профессор
Васильев Александр Дмитриевич

кандидат филологических наук, доцент
Щитова Ольга Григорьевна

Ведущая организация – кафедра общего и исторического языкознания Новосибирского государственного
педагогического университета

Защита состоится 20 ноября 2003 года на заседании диссертационного совета Д 212.267.05 при Томском государственном университете по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета.

Автореферат разослан «___» _____ 2003 г.

Учёный секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук,
профессор

Л.А. Захарова

Реферируемая диссертация посвящена лингвистическому исследованию работы митрополита Московского Филарета (Дроздова, 1782/83–1867) по редактированию перевода Нового Завета на русский язык, известного под названием Синодального (далее – СП). Через анализ исправлений и замечаний митр. Филарета изучается лингвистическая концепция СП, закладывавшаяся митрополитом как его главным создателем.

Актуальность избранной темы определяется наблюдаемым в последние полтора десятилетия заметным повышением интереса к Библии как религиозному, культурному и литературному памятнику непреходящего значения. Повышенное внимание к смысловым деталям, диктуемое статусом Священного Писания, придаёт особую важность проблематике библейского перевода.

В настоящее время появляется немало новых переводов библейских книг, и особенно Нового Завета (НЗ), на русский язык, однако все они не получают широкого признания, так как уступают классическому СП (официальному тексту Русской Православной Церкви и других конфессий) в том или ином аспекте. Вследствие этого отечественные библеисты говорят о желательности «поновления» русского перевода в рамках традиции СП. Тем не менее, эта традиция всё ещё не получила должного осмысления.

Изучение языка СП (НЗ) до настоящего времени проводилось лишь фрагментарно, а именно на уровне отдельных элементов его лексической системы (работы К.И. Логачёва, Е.М. Верещагина, Н.Э. Михайловой и др.); создан также частотный словарь русского НЗ¹. Взвешенной оценки языка СП НЗ в целом, как отмечают отечественные библеисты (например, А.А. Алексеев)², до сих пор не существует.

В исследованиях по истории русской Библии регулярно отмечается роль митр. Филарета, оказавшего решающее влияние на возникновение русского перевода Библии и становление его языка. Однако изучение непосредственных языковых воззрений этого крупнейшего церковного деятеля XIX века до настоящего времени проводилось недостаточно. Теоретические взгляды митрополита были частично описаны В.М. Живовым³; кроме этого, исследованием его «концепции русской Библии» занимался Е.М. Верещагин⁴. Эти работы показывают, что назрела необходимость более детального и системного изучения лингвистических воззрений митр. Филарета с привлечением нового практического материала.

С учётом вышеизложенного исследование концепции перевода Библии на русский язык по взглядам митр. Филарета и описание языка СП на основании этой концепции представляется весьма актуальным.

Таким образом, **объектом** диссертационного исследования является язык СП НЗ; **предметом** исследования являются воззрения митр. Филарета на этот язык.

Материалом исследования послужила комментированная редакторская правка митр. Филарета в переводе новозаветных книг на русский язык, осуществлённая в 1859–1862 гг. и опубликованная в 1893 г. при участии К.П. Победоносцева⁵.

Эта правка являлась предпоследним этапом работы над текстом СП НЗ (1858–1863). Перевод каждой книги НЗ, выполненный в одной из духовных академий, сначала обсуждался и корректировался в Синоде, заседавшем в Санкт-Петербурге, после чего присылался на рассмотрение митр. Филарету в Москву. Внося в перевод немало изменений, митрополит во многих случаях сопровождал их комментариями, весьма ценными для исследования его переводческих и редакторских интенций. Большая часть его исправлений и замечаний после обсуждения в Синоде была принята или как-либо учтена в окончательном тексте НЗ.

В диссертации частично использованы и некоторые другие материалы, опубликованные в этом же издании, которые являются в той или иной степени продолжением редакторской работы митр. Филарета над новозаветным текстом. Среди них наибольший интерес представляет «разбор некоторых замечаний «православного мирянина» [Г.В. Виноградского] на русский перевод Евангелия» (1862 г.): отдельные исправления митр. Филарета в Евангелиях получают здесь намного более развернутое объяснение.

Для исследования взята правка шести книг НЗ: четырёх Евангелий (Мф, Мк, Лк, Ин), Деяний (Деян) и Откровения (Откр). Такой объём материала, на наш взгляд, достаточно репрезентативен. Материал всех четырёх Евангелий привлекается по следующим соображениям: во-первых, они представляют собой самые важные и употребительные тексты Священного Писания, так что работа над их переводом производилась наиболее тщательно; во-вторых, их правка была сделана митр. Филаретом самой первой (прежде всего это касается Мф), и нередко однотипные исправления в последующих книгах он не комментирует; здесь им также были высказаны основные пожелания к переводу; в-третьих, при анализе Евангелий охватывается исходный переводческий труд всех четырёх духовных академий. Деян и Откр, как и Евангелия, отличаются большим разнообразием жанров повествования (описание событий, диалоги, поучения), чем Послания.

¹ Алексеев П.М. Статистика слов в библейских текстах // Тверской лингвистический меридиан. Тверь, 1999. Вып. 2. С. 3–14.

² См.: Алексеев А.А. Вопросы перевода и текстологии Священного Писания // Богословская конференция Русской Православной Церкви «Православное богословие на пороге третьего тысячелетия» (Москва, 7–9 февраля 2000 г.). М., 2000. С. 47.

³ Живов В.М. Язык и культура в России XVIII в. М., 1996. С. 461–508.

⁴ Верещагин Е.М. Два исследовательских инструмента в приложении к концепции русской Библии митр. Филарета (Дроздова) // Вопросы языкознания. 1998. № 5. С. 53–66; *Он же*. Библеистика для всех. М., 2000. С. 205–210.

⁵ Труды митрополита Московского и Коломенского Филарета по переложению Нового Завета на русский язык. СПб., 1893. XII, 239 с.

Кроме этого, Деян является одной из самых больших в НЗ книг по объёму, поэтому её правка даёт исследователю максимум разнообразной информации.

Правка Мк производилась митр. Филаретом дважды. Поскольку это Евангелие переводилось на русский язык при Московской духовной академии, он просмотрел академический перевод и внёс свои исправления до отсылки его в Синод. Отличие этих предварительных исправлений (обозначаемых в нашей работе индексом Мк_А) в том, что они были расположены не на отдельном листе, а вписаны на академической рукописи карандашом; вследствие этого они, к сожалению, не содержат комментариев. Вторично митр. Филарет редактировал Мк после рассмотрения его в Синоде, как и остальные книги.

Методы исследования. Основными методами диссертационного исследования являются лингвистическое наблюдение и лингвистическое описание. Используются методы и приёмы лингвотекстологического анализа, в том числе сопоставление разноязычных версий текста (с привлечением греческого и латинского текстов НЗ). В работе применяются также частотный анализ (прежде всего при исследовании мотиваций, содержащихся в комментариях митр. Филарета к исправлениям) и статистический метод. Наконец, немаловажная роль отводится интерпретации как общелингвистическому методу, ставящему исследование в русло герменевтики и позволяющему выйти на лингвокультурологический уровень.

В исследовании введено следующее методологическое ограничение: при рассмотрении и интерпретации тех или иных фактов диссертант основывался только на пояснениях и комментариях самого митр. Филарета, совершенно исключая использование собственного языкового чутья исследователя конца XX – начала XXI вв.

Цель исследования — дать оценку языка СП НЗ с учётом намерений митр. Филарета (Дроздова) как одного из его создателей и главного идеолога.

Ход исследования определялся следующими **задачами**:

- 1) описать концепцию СП согласно теоретическим высказываниям митр. Филарета;
- 2) произвести классификацию редакторских исправлений митр. Филарета, предварительно разработав для неё критерии; при помощи классификации выявить различные характерные тенденции в правке; определить языковые предпочтения митр. Филарета применительно к русскому переводу Библии;
- 3) проанализировать мотивации, содержащиеся в комментариях, которыми митр. Филарет сопровождает свои исправления; установить основные принципы правки, применяемые им на практике; сформулировать его требования к языку перевода и уяснить их побудительные причины.

Научная новизна проведённого исследования состоит в том, что оно является первым опытом изучения языка СП сквозь призму воззрений его создателей и в контексте эпохи. В диссертации предложены новые критерии для описания концепций перевода Библии, и согласно этим критериям дано подробное изложение концепции СП. Введён в научный оборот материал, который, будучи опубликован в 1893 г., оставался после 1920-х гг. до настоящего времени малоизвестным и никогда не исследовался в специально филологическом, а не богословском аспекте. На основании данного материала изучены языковые воззрения и предпочтения митр. Филарета. Впервые определены его стилистические требования к языку русских переводов священных текстов (церковно-библейскому стилю), в том числе выявлен и описан принцип стилистической дифференциации контекстов.

Теоретическая значимость работы. Материал, излагаемый в диссертации, важен для адекватного построения истории русского литературного и церковнославянского языков, истории Русской Православной Церкви, а также для типологического изучения сакральных языков и стилей.

Результаты проведённого исследования могут способствовать осмыслению концепции Синодального перевода, необходимому при работе над «поновлением» русской Библии. Сформулированные в диссертации наблюдения над подходом митр. Филарета к решению вопроса о стиле русских священных текстов могут быть полезными в связи с задачами нового перевода Библии, а также возможного перевода богослужения на русский язык.

Практическая значимость работы. Данные диссертационного исследования могут быть использованы при непосредственной работе над созданием нового перевода Библии. Кроме этого, итоги исследования могут найти применение в вузовском курсе истории русского литературного языка, а также в спецкурсе по данному материалу.

Апробация работы. Основные положения исследования были представлены в докладах на XXXIX Международной научной студенческой конференции (апрель 2001 г.), на конференции «Сибирь на перекрестье мировых религий» (октябрь 2001 г.), на Кирилло-Мефодиевских чтениях (май 2002 г., май 2003 г.), на Филаретовском вечере в Православной гимназии во имя преп. Сергия Радонежского (декабрь 2002 г.), а также обсуждались на открытом семинаре кафедры древних языков НГУ (октябрь 2002 г.).

На защиту выносятся следующие **положения**.

1. Редакторская правка митр. Филарета в русском переводе НЗ была направлена не только на текстологическое улучшение перевода, но и на приведение его языка к определённым стилистическим⁶ нормам, специализированным для данного типа текстов.

2. Отличительной особенностью СП НЗ, определённой в концепции митр. Филарета и последовательно проводившейся на практике, является стремление сочетать на равноправных началах точность передачи оригинала (в том числе, по возможности, формальную) и ясность изложения русским языком.

3. Язык СП был преднамеренно дистанцирован от языка современной ему художественно-публицистической литературы в направлении известной архаичности, что было проявлением общего запрета на смешивание священного с мирским, актуализировавшегося в эту эпоху и постоянно акцентируемого митр. Филаретом.

4. Специфической особенностью стиля СП является принцип стилистической дифференциации контекстов, заключающийся в использовании специализированных лексических средств для ситуативного выделения высокого или низкого контекста. Подобная дифференциация также является одним из проявлений принципа несмешивания священного с мирским.

5. Особая стилистика текста создаётся митр. Филаретом также за счёт широкого использования таких грамматических средств русского литературного языка, которые наиболее приближены к церковнославянскому способу выражения (например, причастий вместо придаточных, посессивных конструкций вместо бытийных и т.п.).

6. В лингвистическом аспекте правка митр. Филарета в русском переводе НЗ родственна правке церковнославянской Триоди Комиссией по исправлению богослужебных книг под председательством архиеп. Сергия (Страгородского). В обоих случаях наблюдается задача сближения русского и церковнославянского языков в сфере священных (церковно-богослужебных) текстов. Более того, можно констатировать общность понимания стилистических характеристик итогового языка у митр. Филарета и у справщиков Сергиевской комиссии.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, четырёх глав, заключения, списка использованной литературы и приложения. Первая глава содержит краткий обзор истории Синодального перевода и анализ его исходной концепции. Вторая и третья главы посвящены описанию редакторской правки митр. Филарета: во второй главе исследуется правка полнозначной лексики, а в третьей – правка грамматики. Четвёртая глава отведена рассмотрению комментариев митр. Филарета и анализу содержащихся в них мотиваций. В приложении дан индекс исправлений, с помощью которого по номеру исправления можно найти соответствующее место в НЗ.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность исследуемой темы, выявлена степень её научной разработанности, раскрыта научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, сформулированы объект и предмет исследования, охарактеризован привлекаемый материал, освещена используемая методика, обозначены цель и задачи, объяснена структура диссертации.

Первая глава «Синодальный перевод и его концепция» посвящена обзору истории возникновения СП и анализу его концепции, с рассмотрением предпосылок, обусловивших формирование данной концепции, и сопоставлением её с альтернативными подходами к библейскому переводу, прежде всего с принципами наиболее известных новых переводов библейских книг на русский язык.

Описана история СП (1816–1876): показано, насколько масштабным и значимым мероприятием в XIX веке явился русский перевод Библии, хронологически изложен ход работы над ним и приведены основные этапы его становления. Продемонстрировано, что на протяжении всех этапов работы над переводом НЗ⁷ ключевой фигурой оставался митр. Филарет. Он был не только главным организатором перевода и одним из редакторов: его по праву можно считать основным идеологом создания русской Библии и автором концепции СП НЗ (это не относится к ВЗ, в доработке которого он не смог принять участие вследствие своей смерти в 1867 г.).

Далее рассмотрена концепция СП НЗ, как она представлена в правилах для переводчиков, составленных в 1816 году самим митр. Филаретом⁸, а при возобновлении перевода в 1858 году – при его участии. Переводческие правила 1816 г. (обозначаемые далее с индексом 1), количеством 19, описывают все аспекты техники перевода подробно и детально. Правила 1858 г., насчитывающие 7 пунктов (далее с индексом 2), повторяют их основные положения в тезисном, максимально обобщённом виде, однако содержат подробное до-

⁶ Под текстологическим аспектом перевода мы понимаем вопросы соотношения перевода с оригиналом, тогда как под стилистическим – автономную проблематику языка перевода.

⁷ Первым этапом следует считать перевод НЗ Российского Библейского общества (РБО) 1816–1821 гг.; второй этап – собственно СП НЗ (1858–1863 гг.).

⁸ Таково традиционное мнение, хотя убедительных доказательств не существует.

полнение по вопросу о выборе греческой версии, не освещённому ранее. Это означает, что при окончательной работе над СП использовались оба списка правил.

Общая формулировка концепции русского перевода библейских текстов, данная в правиле 19₁, указывает три «главные качества перевода», которые «соблюсти должно... в следующем порядке: во-первых – точность, во-вторых – ясность, в-третьих – чистоту». Такой подход к переводу Библии, согласно нашим наблюдениям, имеет типологические параллели (например, английская версия *New International Version*) и является, возможно, наилучшим при переводе Писания на язык, обладающий собственной традицией выражения христианских понятий.

В рамках данного правила концепция СП подвергалась дальнейшей детализации, которая, на наш взгляд, сводится к ответам на три принципиальных вопроса:

а) вопрос о выборе версии оригинала, т.е. о текстуальной преимущественности перевода (уточнение требования точности);

б) вопрос о принципах адекватной передачи оригинала (о сочетании принципов точности и ясности);

в) вопрос о стилистических характеристиках языка перевода (о сочетании принципов ясности и чистоты).

Ответы на эти вопросы даны в остальных переводческих правилах и уточнены в частных инструкциях митр. Филарета переводчикам. Решение каждого из трёх вопросов, представленное в концепции СП, рассмотрено нами в сопоставлении с другими возможными ответами, – в частности, с современными западными теориями библейского перевода.

Первые два вопроса можно назвать текстологическими, так как они касаются проблематики внешнего первоисточника.

Вопрос о выборе версии оригинала решается митр. Филаретом следующим образом. Перевод производится с греческого, а не славянского текста (правило 11₁)⁹. Среди греческих разночтений следует ориентироваться на традиционный церковный текст (наиболее близким к которому считался *textus receptus* в издании: М., 1810), хотя допускается и выбор другой редакции в случае «важных причин» (правила 2₂, 3₂). При равноценных греческих разночтениях решающим фактором является славянский текст.

Второй вопрос заключается в балансе между точностью и ясностью, между буквальной и смысловой адекватностью. Перестановка слов не далее чем в пределах одного стиха, а также изменение количества слов допускается митр. Филаретом только в том случае, когда это необходимо «по свойству» русского языка (5₁–10₁, 4₂–5₂). «Для ясности» информация может быть эксплицирована, однако импликация не допускается. Все дополнительные элементы, вводимые в текст, должны быть отличимы: так возникают курсивные добавления и подстрочные примечания (9₁; 16₁–17₁).

Вопрос о стилистике языка перевода представляется наиболее проблематичным в силу особенностей русской языковой ситуации. Подход к его решению был подробно сформулирован митр. Филаретом в «Предварении» к редакторской правке Мф. Сложность заключается в том, что, придавая ясность, понятность языку Священного Писания, следовало сохранять такую его специфическую характеристику, как священность. Особое отношение к священному актуализируется в рассматриваемую эпоху: необходимость «не смешивать священных предметов с мирскими, чтобы не оскорблять благоговения к священному»¹⁰ осознавалась всеми и постоянно подчёркивалась митр. Филаретом применительно к различным аспектам жизни. Эта дихотомия должна была отразиться и в языке.

В первой половине XIX века формируется особый язык духовной книжности, по своим стилистическим установкам являющийся наследником «славенороссийской» концепции второй половины XVIII века¹¹. Его противопоставленность языку светских авторов наделена атрибутом священности. Именно вследствие существования такой разновидности в русском литературном языке в эту эпоху появляется первый русский перевод библейских книг – так называемый перевод Российского Библейского общества (РБО).

Для СП митр. Филарет закладывает те же общие языковые принципы, что и для перевода РБО. Его целью было сохранить особый церковный стиль по модели первой половины XIX века, закрепив его авторитетом библейского текста, утверждённого Святейшим Синодом. В таком случае этот стиль (который можно назвать церковно-библейским) стал бы нормализующим фактором в русском языке.

В этих воззрениях митр. Филарета можно видеть попытку возврата на обновлённой почве к языковой ситуации допетровской (Киевской и Московской) Руси, когда церковно-библейский язык являлся организующим центром книжного языка в целом. Здесь проявляется одно из важнейших отличий взглядов митр. Филарета от взглядов его главного антагониста – А.С. Шишкова, который считал церковнославянский язык никогда не уходившим из русского.

⁹ Вопреки утверждению автора предисловия к современному изданию перевода РБО: *Предисловие* (без указ. авт.) // Новый Завет в переводе Российского Библейского общества. Репринтное воспроизведение издания 1824 г. М., 2000. С. 8–9 перв. пагин.

¹⁰ *Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам*. Т. V, кн. 2. М., 1888. С. 708.

¹¹ См.: *Живов В.М. Язык и культура...* С. 457–509.

Таким образом, язык СП (НЗ) через посредство языка духовной книжности первой половины XIX века оказывается наследником «славенороссийского» языка второй половины XVIII века, восходящего к «среднему стилю» по Ломоносову. Принцип традиционности, определённой консервативности, также спроецированный на русский церковно-библейский стиль с церковнославянского языка, закономерно предполагает отсутствие ориентации на динамику языка современной светской литературы. Конечно, эта традиционность не является абсолютной, и сам митр. Филарет указывает на необходимость изменения языка СП относительно перевода РБО в соответствии с изменениями в русском литературном языке.

Стилистический выбор митр. Филарета, бывший для его эпохи достаточно новаторским (ср. позицию А.С. Шишкова), оказался в дальнейшем «средним путём», наиболее нейтральным среди полярных точек зрения (ср. позиции К.П. Победоносцева и И.Е. Евсеева).

Конкретный механизм реализации данного стилистического подхода в отношении славянизмов сформулирован в переводческих правилах нечётко: указано лишь, что каждое употребление славянизма должно быть семантически или стилистически мотивировано (правила 12₁–15₁). Выяснение этого механизма явилось одной из задач дальнейшего практического исследования.

Вторая и третья главы отведены анализу редакторских исправлений митр. Филарета в СП через их классификацию и выявление характерных типов.

Количество исправлений в исследуемых книгах НЗ составляет 1679. Если учесть все те случаи, когда в одном пункте объединены несколько разнохарактерных исправлений (до семи в Деян, до пяти в других книгах), то общее количество элементарных исправлений составит **2177**, из них 487 – в Мф, 313 – в Мк (в т.ч. 227 в Мк_А), 469 – в Лк, 128 – в Ин, 643 – в Деян, 137 – в Откр. Большая часть исправлений, а именно 1618 (74,3 %), приняты в окончательном тексте СП; ещё 170 приняты с некоторыми уточнениями, в 107 случаях Синодальным переводным комитетом предложен иной вариант правки, и лишь 282 исправления (13,0 %) остались не приняты.

Базовая классификация исправлений построена нами по критерию их формально-грамматической характеристики. Кроме этого, на более дробных уровнях классификации применяется критерий разграничения семантической и стилистической правки, а также в отдельных случаях проверяется соответствие оригиналу.

Во **второй главе** рассмотрена **правка полнозначной лексики**¹², насчитывающая 859 исправлений (39,5 % от общего количества).

Анализ этой группы исправлений в аспекте **формального соответствия / несоответствия** показал, что подавляющее большинство таких исправлений (более 600) представляет собой простые замены одного слова на одно слово той же части речи, т.е. в них соблюдается количественное и частеречное соответствие. Чаще всего в подобных заменах участвуют существительные (250 замен) и глаголы (246 случаев). Формальное несоответствие при правке типично для слов, стоящих в позиции обстоятельства.

Важное значение придаётся соответствию оригиналу в количестве полнозначных слов: отступления без нужды не приветствуются митр. Филаретом (комментарий к испр. Мф. 26, 65: «Не нужно растягивать одно греческое слово на три»). Тем не менее, этот принцип им не абсолютизируется: «ясность» или соответствие «свойству языка» является достаточным основанием для формального расхождения с оригиналом. Обычно смысловые добавления полнозначных слов, согласно правилу 9₁, «для верности» печатаются в СП курсивом. Как показывают комментарии митр. Филарета, нередко функцией таких добавлений является устранение логических ошибок¹³. Следует отметить, что, в отличие от экспликации, импликация при переводе не приветствуется. Полученные данные лишь подтверждают верность митр. Филарета тем теоретическим принципам, которые были изложены им в переводческих правилах.

Дальнейшее исследование лексической правки проводилось путём **анализа типовых замен** (т.е. таких, которые встречаются неоднократно). По критерию преобладания семантической / стилистической мотивации все типовые исправления разделены нами на семантические и стилистические.

Анализ типовых **семантических исправлений** показал, что точность перевода семантики для митр. Филарета всегда важнее точности передачи формы, и выявил стремление максимально сохранить в переводе все детали семантики оригинала и, с другой стороны, не вносить никаких новых смыслов, расширенного понимания. Основную тенденцию семантической правки можно определить как конкретизацию, проявляющуюся, например, в таких заменах, как *отряд* → *полк* (3 замены), *растения* → *злаки* (2 случая), *идти (за)* →

¹² Правка вспомогательной лексики (в т.ч. местоимений и обстоятельственных наречий) рассматривается нами вместе с морфологической и синтаксической правкой, поскольку такая лексика нередко несёт в тексте скорее грамматическую функцию, тогда как полнозначные слова относительно автономны по семантическому наполнению. В качестве исключения правка местоимений *этот* и *сей* описывается вместе со стилистическими исправлениями полнозначной лексики вследствие очевидного функционального сходства.

¹³ Данный материал позволяет опровергнуть мнение игум. Венедикта (Кантерса), который, сопоставляя курсивные вставки и конъектуры в СП с традицией парафразов в современных греческих объяснительных переводах, считает основной функцией таких вставок раскрытие внутреннего, богодуховенного содержания текста. См.: *Игумен Венедикт (Кантерс)*. Трудности перевода слов, обозначающих время, в корпусе апостола Иоанна (Необходимость использования кратких комментариев-парафразов) // Перевод Библии: Лингвистические, историко-культурные и богословские аспекты. М., 1996. С. 75, 80.

следовать (за) (3 раза), случаи устранения полисемантов *быть* (12 примеров), *говорить / сказать* (7 замен другими лексемами). Усиленное внимание к деталям семантики вызывает такое специфическое явление, как расслаивание супплетивных парадигм (*говорить – сказывать, люди – человеки*) с их семантической дифференциацией: согласно комментарию митр. Филарета, *люди*, в отличие от *человеки*, – «понятие частное» (соотносимое с цсл. *людіе* ‘народ’), а глагол *сказать* образует несовершенный вид *сказывать*, который, в отличие от *говорить*, обладает семой сообщения качественно новой информации.

Лексические средства славянского текста употребляются в тех случаях, когда они отвечают принципу детальной семантической точности: славянские слова вводятся, если они, согласно правилу 14₁, «ближе русских подходят к греческим, не производя в речи темноты или нестройности» (напр., *постель* → *одр*: 4 замены), и устраняются, если они допускают неверное прочтение (*ребра* → *бок*: также 4 случая). Митр. Филарет обращает внимание и на те двусмысленности, которые могут быть вызваны ассоциацией с современными реалиями (5 случаев замены лексем *слуги* или *люди* в контексте, допускающем понимание ‘слуги’).

В тенденцию семантической детализации вписывается и ряд исправлений, вызванных богословской сочетаемостью отдельных слов. Так, нельзя сказать *случилось* о событиях, связанных с проповедническим путём Христа (этот глагол в соответствующих контекстах заменяется или удаляется 11 раз), равно как от действия Божиего чуда невозможно *испугаться*, а лишь *устрашиться, ужаснуться* и т.п. (4 замены). Однако отдельные исправления, которые можно назвать семантико-стилистическими, идут вопреки общему принципу конкретизации: повествование о Христе не может быть более «тяжёлым», чем славянский текст, поэтому иногда слишком резкое слово заменяется на родовое понятие: *бичевать* → *бить* (о Христе; 2 замены), *казнь* → *смерть* (5 подобных случаев). Эпизодически встречаются и другие генерализирующие замены в соответствии с чтением славянского текста (8 примеров *люди* → *человеки*, ср. выше).

Специфической разновидностью семантико-стилистической правки является тенденция к устранению «резких» глаголов типа *бросать/броситься* (7 устранений при 2 добавлениях), *кричать* (4 и 1 соотв.), *воскликнуть* (также 4 и 1) для подчёркивания величественности стиля священного текста.

Наблюдение над типовыми **стилистическими исправлениями** выявило некоторые ограничения в регистре используемых языковых средств со стороны как сниженных элементов (напр., *съестное* → *пища*, 2 замены), так и архаизмов (*под спудом* → *под сосудом*). Эти ограничения связаны с требованием чистоты священного текста. Пуристическая неприемлемость той или иной лексики иногда может быть вызвана её энтимосемией: ср., с одной стороны, *умные (девы)* (7 замен *умные* → *мудрые* и *умно* → *догадливо*; в церковной терминологии *умный* может означать ‘мысленный’), с другой стороны, *оставление (грехов)* (также 7 замен на *прощение*). Однако подобные исправления имеют лишь маргинальный характер.

Гораздо большую роль в стилистическом оформлении русского перевода НЗ играет **стилистическая дифференциация контекстов** (СДК), осуществляемая путём употребления лексики различных стилистических регистров («тонов речи», по терминологии митр. Филарета). Наиболее характерным и даже программным примером СДК является употребление слов *этот* и *сей*. Отказ от употребления *сей* в языке СП мог бы более «русифицировать» его, чему было, видимо, немало сторонников. Однако митр. Филарет предлагал использовать оппозицию *этот* ~ *сей* как стилистическое средство, считая это проявлением богатства русского языка. Его позиция в отношении этих слов высказана в письме митр. Григорию (Постникову) от 9 сентября 1859 года: «Как вы не враждуете против слова *сей*, так и я не вражду против слова *этот*. Только мне кажется, что лучше первое употреблять там, где указывается на предмет важный, или где тон речи приближается к славенскому»¹⁴. Согласно этому принципу, а также проведённому анализу исправлений, высокий «тон речи» определяется следующими контекстами:

- а) если речь идёт о Боге или о ком-либо (о чём-либо), связанном с Ним: о Богородице, иногда о святых;
- б) если приводится слово Божие: непосредственно речь Христа или же пророчество, а также указание на пророчество.

Если высокие контексты определяются ориентированностью на Бога, то намеренно сниженные контексты (встречающиеся очень редко) связаны с богопротивниками, – например, Иудой или серебряником Дмитрием из Ефеса. В остальных случаях контекст не является стилистически маркированным или же допускает вариации (митр. Филарет предлагает на выбор варианты: *этот/сей* об Ироде; *люди набожные / мужи благоговейные* о собравшихся в Иерусалим на Пятидесятницу). В нейтральном контексте, допускающем различное наполнение, слово иногда может заменяться на более высокий эквивалент во избежание тавтологии (*человек* → *муж*) или нежелательных ассоциаций (*мать твою* → *матерь твою*; ср. комментарий митр. Филарета: «...*мать твою* в русской речи представляет грубый тон»).

Для СДК обычно используются **синонимические пары**. Стилистическая граница между членами пары бывает разной: встречаются противопоставления **невысокое** ~ **высокое** (*этот* ~ *сей*), **нейтральное** (= высокое + невысокое) ~ **высокое** (*сказанное* ~ *реченное, люди/человеки*¹⁵ ~ *мужи*) или же **менее высокое**

¹⁴ Письма Филарета, митрополита Московского, к Григорию, митрополиту Новгородскому и Санктпетербургскому // Чтения в обществе любителей духовного просвещения. 1877. Ч. XI–XII. С. 60–61.

¹⁵ Разница между *люди* и *человеки* не стилистическая, а семантическая.

+ **невысокое**] ~ **более высокое** (*царство* ~ *царствие*). Стилистическая дифференциация может производиться между историческими вариантами одного слова (*царство* ~ *царствие*) и даже лишь в части парадигмы (*мать* ~ *матерь* – И.–В.п.; *неба* ~ *небеси* – Р.–П.п.).

Стилистические различия между синонимической парой могут непосредственно сопровождаться семантическими (напр., *этот* ~ *сей*: согласно диагностическим контекстам, которые приводит митр. Филарет, *сей*, в отличие от *этот*, может, выступая в позиции подлежащего, являться ремой при сохранении нормального порядка слов). Однако чаще происходит перераспределение употреблений между синонимами. Анализ всех вхождений соответствующих синонимов в НЗ показывает, что вместо различия по семантике, присутствующего в оригинале, в СП проводится разграничение по стилистике (напр., *хороший* ~ *добрый* ~ *благий*, *правая рука* ~ *десница*). При этом одна и та же лексема в разных значениях может выступать как нейтральное или как высокое слово (*добрый* 'человечный' или 'хороший', *муж* 'супруг' или 'человек').

Отдельные синонимические ряды включают большее, чем два, количество членов и могут использоваться для более детальной стилистической дифференциации. Например, глаголы речи позволяют разграничивать истинное «вдохновенное слово» (*пророчествовать*, *проречь*) и ложное (*прорицать*).

Введению СДК, в особенности «повышению тона», посвящено сравнительно много исправлений. Наиболее многочисленные типовые случаи «повышения тона» следующие: *царство* → *царствие* – 32 замены (!), *этот* → *сей* – 17, *сказанное* → *реченное* – 11, *хороший* → *добрый* – 8, *Мать* → *Матерь* – 7, *правая рука* → *десница* – 5, *неба* → *небеси* – 5.

Такое традиционное средство маркирования славянизмов, как неполногласие, практически не используется митр. Филаретом в целях СДК, – за исключением тех редких случаев, когда неполногласная форма семантически обособлена в русском языке, обозначая соответствующие церковные реалии (*гласы*, *врата* – всего 7 примеров в Откр).

Принцип СДК, обнаруженный нами у митр. Филарета, является, без сомнения, одним из самых характерных его требований к церковно-библейскому стилю в русском языке XIX в. Примеры СДК можно найти также в переводе РБО, а также в «Алфавите Библии» архим. Макария (Глухарёва); схожие предписания встречаются и в «Гомилетике» Я.К. Амфитеатрова¹⁶. Однако детальное эксплицитное описание этого принципа наблюдается лишь у митр. Филарета в материалах его правки НЗ. Даже в переводческих правилах 1816 г., достаточно подробных в остальном, СДК ещё совершенно не упоминается; возможно, осмысление данного подхода появилось у митр. Филарета позднее.

В диссертации высказано предположение о том, что СДК у митр. Филарета является реализацией фундаментального принципа «не смешивать священное с мирским», о котором говорилось в первой главе, применительно к языку.

В **третьей главе «Правка грамматики»** описываются исправления, касающиеся вспомогательной лексики (408 примеров, что составляет 18,7 %), морфологии (294 случая – 13,5 %), синтаксиса (587 – 27,0 %), а также правка эвфонической стороны текста (16 – 0,7 %).

Наблюдение над **формальным** аспектом грамматической правки показало, что формальное соответствие оригиналу в грамматических и лексико-грамматических средствах признаётся митр. Филаретом намного менее необходимым, чем в лексических. Для грамматики более важна нормативность с точки зрения русского языка и конкретно стиля священного текста. Однако отдельные лексико-грамматические особенности оригинала намеренно восстанавливаются митрополитом (широкое употребление частицы *вот/се*, формы *именем* вместо *по имени* в аппозитивной конструкции типа *именем Захария* и др.).

Правка вспомогательной лексики, как лексико-грамматического средства, намного более свободна в количественном отношении по сравнению с полнозначной. Однако уменьшение количества вспомогательной лексики встречается существенно чаще, чем увеличение. Эту тенденцию можно назвать принципом **лаконичности**: митр. Филарет возражает против перенасыщения текста вспомогательной лексикой, потому что она не имеет самостоятельного лексического значения и при этом нарушает динамичность повествования. Наиболее частые и характерные примеры такой правки – удаление союза-частицы *же* (20 раз) и личного местоимения в позиции подлежащего (37 случаев!). Тенденция к лаконичности не связана с соответствием оригиналу: в частности, устранение *же* всегда производится вопреки греческому и славянскому тексту.

Анализ **семантической** правки грамматических явлений обнаружил, как и в лексических исправлениях, повышенное внимание к деталям семантики. Наглядными примерами являются типовые замены *один* → *некоторый* в позиции неопределённого артикля (16 случаев) или устранение наречия места *тут* как обстоятельства времени (13 случаев; например, правка Лк. 8, 41 комментируется следующим образом: «...слова: *тут* пришел не гармонируют. *Тут* стоял – это было бы так»). Кроме этого, семантические исправления нередко бывают продиктованы требованиями **чёткости** (замены *на/о* (ком-л.) → *против* (кого-л.) при глаголах *иметь*, *свидетельствовать* – 4 случая; удаление или добавление частицы *не* в вопросах в зависимости от предполагаемого ответа – 6 случаев) и **логичности** (корректировка употребления предлогов пространствен-

¹⁶ Амфитеатров Я.К. Чтения о церковной словесности, или Гомилетика. Ч. II. Киев, 1846. С. 128–129.

ной локализации – 13 случаев; смысловое согласование в числе – 7 случаев; исправление ошибок логической зависимости – 12 случаев, и т.п.).

В **стилистической** правке грамматики выделяется две основных разновидности. Первая из них – это приведение языка СП к нормам русского литературного языка. Нормативное употребление может восстанавливаться как вместо разговорного (напр., *меряете* → *мерите*, *ежели* → *если*), так и вместо славянизированного (*мя* → *меня*). Нормативизация касается самых различных аспектов грамматики, таких как: морфологическое оформление словоформы (в особенности много исправлений, а именно 25, посвящено формантам деепричастий), разряд местоимения (*тот* → *он*, *кто* → *кто-нибудь* и т.п.), согласование по роду, построение прямой и косвенной речи, порядок слов и актуальное членение предложения, глагольное и именное управление (в последнем случае митр. Филарет предпочитает использовать родительный падеж) и др.

Второй разновидностью стилистической правки является приближение к церковнославянскому – выбор из разных вариантов грамматического оформления, присутствующих в русском языке, того, который ближе к церковнославянскому (или через его посредство – к греческому) способу выражения. Большинство исправлений этой группы являются характерными, то есть встречаются в тексте правки неоднократно и стабильно. К их числу относятся следующие типы:

- замена возвратно-притяжательного местоимения (*свой*) лично-притяжательным (*твой* и др.) – 10 исправлений;
- упомянутое ранее устранение личных местоимений в позиции подлежащего – 37 исправлений;
- корректировка вопросительных конструкций: удаление слова *такой* (в вопросах типа *кто ты такой*) – 8 случаев, устранение вопросительного слова *зачем* (8 случаев) и введение частицы *ли* (3 исправления);
- устранение особой формы партитива/локатива на -у (4 исправления), а также партитивного (неотрицательного) употребления родительного падежа в позиции прямого дополнения (3 исправления);
- расширение употребления причастия вместо местоимения с глаголом в личной форме (здесь, кстати, задействован также и принцип лаконичности) – 37 исправлений (!), это важнейшая разновидность синтаксической правки;
- расширение употребления «желательного наклонения» с *да* (а также *дабы*) – 16 исправлений;
- замена бытийной конструкции (*быть у*) на посессивную (*иметь*) – 10 исправлений;
- введение обратного порядка слов в словосочетаниях со связью согласования – 12 исправлений;
- восстановление конструкции с двойным винительным или именительным – 7 случаев.

Большая часть таких исправлений проводится не по всему тексту, а лишь частично. Возможно, некоторые из них имеют функцию контекстуального «повышения тона». С уверенностью можно сказать о том, что для СДК служат следующие контекстуальные случаи правки:

- замена *вот* → *се* (как и *этом* – *сей*) – 5 исправлений;
- введение звательного падежа (*Владыко*, *отче* – 3 замены) и другого церковнославянского морфологического оформления (*судиями*, *братиям*, *други*, *слепый*; эта группа исправлений не принята);
- введение *пред* с винительным падежом – 4 случая.

Остальные вышеперечисленные характерные исправления служат не столько для стилистики контекстов, сколько для создания особого стилистического фона НЗ в целом как священного текста. Их можно назвать стилистическими маркерами церковно-библейского стиля русского языка, служащими для соединения русской нормы с церковнославянской традицией¹⁷.

Проведённое описание редакторских исправлений митр. Филарета позволило заключить, что исследуемая правка митр. Филарета типологически родственна исправлениям церковнославянского текста Постной и Цветной Триоди, производившимся на полвека позже (1907–1913 гг.) Комиссией по исправлению богослужебных книг под председательством архиеп. Сергия (Страгородского)¹⁸. Если правку митр. Филаретом языка СП можно назвать шагом к сближению церковнославянского и русского языков, сделанным со стороны второго из них, то правка Триоди Сергиевской комиссией явилась таким же шагом со стороны церковнославянского. Несмотря на различие исходного языка, митр. Филарет и архиеп. Сергий используют схожие принципы правки и предпочитают одинаковые грамматические средства. На основании этого можно высказать предположение о становлении в языке церковных текстов XIX – нач. XX вв. нового инвентаря стилистических показателей «церковного» языка, вместо традиционного набора церковнославянизмов (неполногласная лексика и т.п.), уже не использующегося с данной коннотацией.

Четвёртая глава «Мотивация исправлений» посвящена описанию комментариев, которыми митр. Филарет сопровождал свои редакторские исправления в НЗ. Комментарии имеются к 741 исправлению из 1679

¹⁷ О противопоставлении *традиция–норма* и других параметрах отличия церковнославянского от русского см.: Панин Л.Г. История церковнославянского языка и лингвистическая текстология. Новосибирск, 1995. С. 5–6.

¹⁸ Работа Сергиевской комиссии описана в кн.: Кравецкий А.Г., Плетнева А.А. История церковнославянского языка в России: (Конец XIX – XX в.). М., 2001. С. 98–110.

(44,1 %); не комментируются в основном те исправления, которые аналогичны встреченным ранее. Более половины исправлений сопровождается пояснениями в Мф (59,5 %), как первой по порядку книге НЗ, а также в тех книгах, над текстом которых митр. Филарет уже работал: в Ин – 65,1 %, в Мк (вторичная правка) – 90 % (!).

Анализ комментариев заключается в выявлении спектра содержащихся в них **мотиваций** правки и построении их частотной иерархии. Полученные данные сопоставлены с концепцией СП, сформулированной в переводческих правилах и описанной в первой главе диссертации.

Проведённый анализ показал, что основные принципы правки, применяемые митр. Филаретом на практике, соотносятся с требованиями «главных качеств перевода», перечисленных в правиле 19₁ (точность, ясность, чистота), причём порядок следования этих требований (особо акцентированный в правиле) совпадает с расположением соответствующих основных групп мотиваций исправлений по уменьшению их частотности.

(1) Адекватность оригиналу (греческому) является наиболее частой мотивацией и встречается 355 раз (40,2 %) ¹⁹. Её разновидностями являются: семантическое соответствие оригиналу; формальное соответствие оригиналу, проявляющееся в буквальности и, реже, лаконичности; однотипность в переводе одинаковых элементов греческого текста. Иногда в качестве аргумента используется соответствие славянскому тексту, но оно никогда не выступает самостоятельно, а лишь в сочетании с другой мотивацией.

(2) Вторым проявлением принципа точности является чёткость и конкретность выражаемых текстом смыслов, которая встречается в качестве мотивации 237 раз (26,8 %). В качестве разновидностей этого требования выступают: семантическое уточнение, конкретизация, специализация; чёткость, логичность; недвусмысленность.

(3) Принцип ясности реализуется в требовании соответствия нормам русского языка и имеет два основных аспекта: правильность и понятность. Мотивации данной группы встречаются в 147 случаях (16,6 %).

(4) Стилистические мотивации, соответствующие принципу чистоты, насчитывают 79 случаев (8,9 %). Эта группа заслуживает более подробного описания.

Основной разновидностью стилистической мотивации является (а) указание на допустимость употребления славянизмов. По-видимому, наибольшее отличие переводческой концепции митр. Филарета от других точек зрения заключалось именно в вопросе о славянизмах, поэтому комментарии данной подгруппы часто несут полемический настрой (например: «Для чего бояться слова: *глаголющий* в речи возвышенной? Не боялись же поставить: *се*»).

Подход к славянизмам не вполне соответствует тому, который был высказан в переводческих правилах 1816 г.: приводимая в правилах 13₁–15₁ аргументация используется лишь в 5 случаях (главным образом в защиту обращений *жено*, *дщерь*, *чадо*, *отче* вместо *женщина*, *дочь*, *сын*, *отец*, не используемых по-русски в данной функции). Основными аргументами в пользу славянизмов являются их контекстуальная предпочтительность (в соответствии с принципом СДК), а также их употребительность в русском (например: «Кто не понимает слов: *дважды*, *трижды*?»), причём широко используются ссылки на узус «простолудинов» и «безграмотных».

Другие разновидности стилистической мотивации – это (б) неприемлемые коннотации прежнего варианта («грубо», «не чистое», «дико» и т.п.), а также (в) неуместность славянизма – мотивация редкая (5 случаев), но показывающая, что подход митр. Филарета не был односторонним.

Рассмотренные мотивации стилистического характера позволяют построить систему стилистической стратификации языковых средств, состоящую из 4 уровней («тонов речи»): **«слишком славенски»** – **«славенский тон»** – **«русский тон»** – **«грубый тон»**. Крайние полюса этой стилистической шкалы не используются в священных текстах, тогда как два средних значения употребляются дифференцированно, создавая различие высоких и сниженных контекстов.

Помимо четырёх перечисленных основных групп, встречаются и другие разновидности мотивации: (5) апелляция к сохранению перевода РБО, ставшего за 40 лет частью традиции – 40 случаев (4,5 %); (6) требование благозвучия текста, связанное с принципом чистоты – 16 случаев (1,8 %); (7) ссылки в правке Мк и Лк на комментарий к параллельному месту в Мф – 5 примеров; (8) указание на ненужность подстрочных примечаний – также 5 примеров.

Изложенная иерархия принципов правки по частотности совершенно не соотносится с уровнем их взаимной приоритетности: в тех случаях, когда комментарии содержат описание конфликта нескольких мотиваций, менее частотные из них нередко оказываются важнее и предпочтительнее. Однако строгая иерархия приоритетов возможна лишь при рассмотрении исходных **побудительных причин** используемых конкретных принципов. Эти причины сформулированы в диссертации следующим образом:

1. Статус священного текста, с которым связано также требование авторитетности.

¹⁹ Здесь и далее проценты указаны по отношению к общему количеству мотиваций (884), которое превышает количество комментированных исправлений (741), поскольку нередко один комментарий содержит несколько мотиваций.

2. Понятность и общедоступность, которые были основной целью перевода на фоне имевшегося в употреблении церковнославянского.

3. Сохранение церковнославянской традиции (как языковой, так и текстологической), наличие которой было главной особенностью перевода Библии на русской почве.

В **заключении** итоги проведённого исследования обобщаются и предлагается ответ на вопрос, который был поставлен в качестве искомой цели: дать **оценку языка СП НЗ** согласно намерениям его главного создателя – митрополита Филарета (Дроздова).

Исследование позволило выделить следующие основные **параметры** языка СП, закладывавшиеся митр. Филаретом.

1. **Авторитетность**, образцовость языка, обусловленная статусом священного текста («достоинству священной книги должно, по возможности, соответствовать достоинство языка»). Она предполагает определённые стилистические требования: с точки зрения выбора языковых средств – некоторый пуризм («правильность» в грамматике и «чистоту» в лексике); с точки зрения организации текста – требования к звучанию речи (благозвучие, отсутствие повторов и тавтологий), её построению (связность, логичность и т.д.) и динамике (лаконичность). Выполнение этих стилистических требований нередко может превалировать над принципом точного следования оригиналу.

2. **Повышенное внимание к деталям смысла**, тоже связанное со статусом священной книги. Во избежание внесения новых прочтений, отсутствующих в оригинале, не только избегаются слова и конструкции, допускающие двоякую интерпретацию, но и предпочитается использование моносемантов вместо многозначных слов, а также видовых терминов вместо родовых. С другой стороны, некоторые богословски важные контексты требуют, напротив, применимости различных толкований, что диктует выбор соответствующих языковых средств. Внимание к деталям смысла проявляется и в требованиях чёткости и непротиворечивости текста.

3. **Стилистическая дифференциация контекстов**, являющаяся языковой реализацией принципа не-смешения священного с мирским (*non miscere sacra profanis*). Использование специализированных языковых средств (большой частью лексических) для подчёркивания высокого или низкого контекста является главной особенностью языка СП. При распределении синонимов в тексте их стилистические различия нередко оказываются более значимы, чем семантические. Иногда контекстуальная славянизация затрагивает даже морфологический уровень.

4. **Соединение русского и церковнославянского начал в языке СП**. Русское начало выступает как норма, церковнославянское – как традиция. С одной стороны, используемые языковые средства должны быть нормативными с точки зрения русского литературного языка, отвечать критерию правильности и, как следствие, ясности. С другой стороны, предпочитаются такие языковые средства, которые, оставаясь в границах русской нормы, более приближены к церковнославянскому и греческому способу выражения. В грамматике для этой цели используются причастия, желательное наклонение с *да* и множество других специализированных средств. В отношении лексики основным способом сочетания русского и церковнославянского элементов в едином тексте является уже упомянутая СДК.

5. **Учёт традиции** не только языка, но и **текста**. Традиционные способы выражения смыслов всегда предпочтительнее, если нет веских оснований от них отступать. Поэтому в случае допустимости нескольких вариантов выбирается тот, который ближе к привычному, славянскому чтению, а иногда и к чтению перевода РБО, также ставшего частью традиции.

Формируемый на основании этих параметров **язык СП НЗ** в функциональном аспекте **представляет собой** попытку выработать в русском литературном языке **особый церковно-библейский стиль** (иначе говоря, стиль священных текстов), который мог бы оказывать определённое нормализующее влияние как на язык церковной книжности, так и на весь литературный язык России, т.е. выполнять ту роль «библейского» языка, которой обладал ранее (в Древней и Московской Руси) церковнославянский. Стремление оформить такой стиль по образцу древнерусской ситуации связано с процессами духовного возрождения в России, происходившими в XIX веке, и непосредственно обусловлено актуализацией благоговеянного отношения к священному, то есть связанному с Богом, наблюдаемой в этот период.

Хотя можно с уверенностью говорить, что митр. Филарет занимался созданием особого церковно-библейского стиля, всё же на основании исследования лишь одного корпуса текстов было бы некорректно утверждать, что этот стиль действительно сформировался. Необходимо дальнейшее лингвистическое исследование различных русских переводов священных текстов XIX века, а также работы над созданием и редактированием церковнославянских текстов в эту эпоху.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Реморов И.А. Гипотеза о церковном стиле русского языка XIX в. // Материалы XXXVIII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Филология. Новосибирск, 2000. С. 78–80.
2. Реморов И.А. Лексемы *хороший*, *добрый* и *благий* в тексте русского перевода Евангелий // Материалы XXXIX Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Языкознание. Новосибирск, 2001. С. 62–65.
3. Реморов И.А. Особенности использования церковнославянизмов митр. Филаретом (Дроздовым) в переводах церковнославянских сакральных текстов. // История языка. Межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 2. Новосибирск, 2002. – С. 78–99.
4. Реморов И.А. Митрополит Филарет (Дроздов) как редактор Синодального перевода Нового Завета: церковнославянизмы и принцип стилистической дифференциации контекстов // Сибирь на перекрестье мировых религий. Материалы межрегиональной конференции. – Новосибирск, 2002. – С. 245–248.
5. Реморов И.А. «Достоинство языка» как особенность Синодального перевода Нового Завета // Актуальные проблемы русистики. Материалы всероссийской научной конференции. – Томск, 2003. – (в печати).